

УДК 308:314.9+378.4

Елена ВОДОПЬЯНОВА

МИЛЛЕНИАЛЫ: РОССИЙСКАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ВЕРСИИ

Аннотация. В статье идёт речь о миллениалах – первом цифровом поколении в современной России, взяв в качестве материала для своих размышлений недавнее междисциплинарное исследование социолога и профессора Высшей школы экономики В.В. Радаева. Солидаризируясь с ним, автор данной статьи акцентирует внимание на тех социокультурных и временных параметрах, которые в первую очередь обусловили и ныне уже сформировали фундаментальные отличия образа жизни миллениалов нашей страны от предшествующих поколений: об информационной/постиндустриальной парадигме, доминирующей в современном социуме, новых образовательных технологиях, а также толерантности и выборе как базовых координат взросления в начале третьего тысячелетия. Размышления о специфике российских «новых взрослых» при этом неотделимы от полемики с исследователем по вопросам, касающимся соотношения классического и электронного образования, а также степени отличия российской молодёжи первой четверти XXI в. от их западных сверстников. В сравнительном аспекте анализируются различия в ценностных ориентациях и поведенческих стратегиях, присущие российским и европейским миллениалам.

Ключевые слова: миллениалы, Россия, Европа, информационное общество, цифровая повседневность третьего тысячелетия, проблема выбора, противоречия образовательных технологий.

Парадигма цифрового социума, ныне распространяемая поистине во всемирном масштабе, неотделима в своём функционировании и перспективах эволюции от размышлений о субъектах, в деятельности которых она реализуется. На сегодняшний день главными вызовами для них, безусловно, можно считать реалии первой фазы постиндустриализма: эпохи информационного общества. И именно это обстоятельство продиктовало стремление автора книги о первом взрослом тотально дигитальном поколении В.В. Радаева¹ проанализировать некоторые аспекты многогранного феномена миллениалов, причём сделать это в основном на российском материале: «Поколение миллениалов составило в 2016 г. по данным Росстата 27,2% российского населения. Вместе со следующим поколением Z (1997 г.р. и старше – Е.В.) эта доля вырастает до 44,2%»². Выбор предмета для своего анализа профессор Радаев анонсировал так: «Меня заинтересовала не молодёжь сама по себе, а именно нынешняя молодёжь, точнее, молодые взрослые, или те, кого сегодня принято считать миллениалами, ... которым к началу 2018 г. было примерно от 18 до 35 лет»³.

Книга состоит из четырёх частей, значительно отличающихся не только по содержанию, но и по стилистике изложения. Она начинается с теоретического раздела. Название первой главы работы «Гипотеза социального перелома, или Прощай, советский простой человек»

© **Водопьянова Елена Викторовна** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИЕ РАН. Адрес: Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** veritas-41@yandex.ru.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12020129133>

¹ Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. ИД ВШЭ, Москва, 2019.

² Ibid. P. 50.

³ Ibid. P. 9-10.

чётко фиксирует тезис, на развитии которого построено всё дальнейшее повествование. Исследователь делает упор на неполитических формах активности миллениалов, а также на анализе их повседневности, что действительно очень важно и выгодно отличает данную книгу от многих теоретических и прикладных изысканий его коллег-социологов. Следующий, методологический блок исследования базируется на сравнительном анализе, а также данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) и результатах американского *Pew Research Center*, используемых для описания повседневности поколения миллениалов в США. Наиболее обширным предстаёт третий, эмпирический раздел книги, знакомящий читателя с результатами прикладных исследований, касающихся многих сторон жизни российских миллениалов. Здесь трудно не согласиться с В.В. Радаевым, что «сдвиги в повседневной жизни имеют более фундаментальное значение, чем изменения политических мнений, которые у обычных респондентов, не погруженных в политику, сохраняют поверхностный характер»¹. Четвёртый раздел исследования по своей стилистике в жанре эссе выглядит довольно необычным для академической монографии и состоит из двух сюжетных блоков: первый посвящён тому «как нам понять миллениалов», второй изложен в форме некоей прикладной стратегии «как обучать новые поколения студентов». В них автор предстаёт скорее не в роли исследователя социологической проблематики, а преимущественно делится размышлениями опытного преподавателя высшей школы, ныне вынужденного объективно встраиваться в процессе своей профессиональной деятельности в реалии третьего тысячелетия и учитывать восприятие университетских знаний его главными субъектами миллениалами, поскольку «это первое поколение, которое проводит всю свою жизнь в цифровой среде, а информационные технологии фундаментальным образом влияют на то, как они живут и работают»².

Применительно к взаимодействию поколений в современной истории автор использует следующую возрастную классификацию этих больших социальных групп³:

- молчаливое поколение (1928–1945 г.р.),
- поколение бэби-бумеров (1946–1964 г.р.),
- поколение X (1965–1980 г.р.),
- поколение Y, или миллениалы (1981–1996 г.р.),
- поколение Z (с 1997 г.р.).

Профессор Радаев считает данную классификацию вполне точной и для России, основываясь на том, что каждый из представленных исторических периодов как раз и фиксирует границы поколения. На протяжении всего текста последовательно проводится мысль, что российские миллениалы скорее схожи, нежели отличны от их зарубежных ровесников. На наш взгляд, доказательства, приводимые в пользу данного тезиса, не всегда убедительны. Чаще всего российскую молодёжь В.В. Радаев сравнивает с американской, и в ходе такого сопоставления замечает, что едва ли не главным различием между ними оказывается отсутствие у соотечественников системной образовательной закрежденности, тогда как у американской молодёжи продолжают расти долги по образовательным кредитам. Сравнение вряд ли корректно: в нашей стране обучение студентов в основном финансируют родители. Уровень же финансовой задолженности последних кредитным организациям, как известно, сегодня достиг критических по стране показателей.

¹ Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. ИД ВШЭ, Москва, 2019. С. 117.

² Bolton R.N., Parasuraman A., Hoefnagels A. et al. Understanding Generation Y and their use of social media: A review and research agenda. *Journal of Service Management*, vol. 24, №3, 2013. P. 245.

³ Dimock M. *Defining generations: Where Millennials end and post-Millennials begin*, Pew Research Center, Washington, DC, USA, 2018.

Аналогичные параллели автор проводит между отечественной и западной молодёжью, которая живёт в городах и на селе. Эти параметры сходства также довольно сложно принять, исходя, в частности, из колоссальных на сегодня прежде всего финансовых различий между российскими регионами, чего невозможно наблюдать в США. Кроме того, в книге отсутствует водораздел между анализом миллениалов из мегаполисов и мелких городов, что скорее мешает детальной проработке, заявленной в монографии проблематики.

Как справедливо отмечает профессор Радаев, в основе кардинальных отличий миллениалов от предшествующих поколений лежит проблема ценностей и перемены в содержательном наполнении последних. При этом точкой отсчёта становятся классические европейские и американские измерители сбывшихся желаний: обладание собственным домом, а также автомобилем как необходимым средством взаимодействия с пространством. Однако ныне миллениалы из развитых стран уже не хотят приобретать ни дом, ни автомобиль. Они не нацелены на дорогие статусные покупки вообще (исключение при этом составляют современные средства связи). Воплощение мечты и успех для европейских миллениалов всё меньше напрямую связано с материальным преуспеванием и движимым, а также недвижимым имуществом. Ими ценятся уже не вещи, а прежде всего новый опыт и впечатления: создание стартапов и новых бизнесов, экстремальный туризм и путешествия вообще, мобильность, преодоление «тирании географии» (термин Э. Тоффлера), гибкий трудовой график. Таким образом, поколение У европейской и американской молодёжи ориентируется в большей степени на нематериальные составляющие успеха, чем разительно отличается от предшественников индустриальной поры.

Для миллениалов развитых стран устаревает сама концепция владения вещами: место ипотеки занимает мобильная аренда жилья для жизни и отпуска, а собственно авто вполне заменяет каршеринг. Пространство ощущений – это то, что манит миллениалов. Ведь приобретённый опыт всех видов не подвержен катаклизмам или потерям.

Наряду с отмеченными чертами сходства, представителям поколения У из разных стран присущи и различия. Так европейцы – в условиях значительной молодёжной безработицы – ныне подвергают сомнению безусловную ценность высшего образования. Российские же высокообразованные интеллектуальные мигранты-миллениалы, напротив, в отличие от своих европейских сверстников, получив устойчивые позиции в западных университетах, охотно берут ипотеку и сразу по приезде в страну обзаводятся собственными автомобилями. В целом есть много оснований полагать, что российские представители этого поколения по динамике ценностных ориентаций всё же несколько отстают от ровесников в Европе и США, что, однако, не меняет вектор их постиндустриальных устремлений.

Следуя логике автора книги, российская версия анализируемых процессов в данном исследовании оказалась как бы условным образом поделена на две взаимосвязанные части. С одной стороны, это работа отечественного социолога, посвящённая актуальной молодёжной проблематике и реализованная на российском материале, но одновременно и культурологический анализ наших миллениалов, как скорее схожих со своими сверстниками по всему миру, нежели несущих страновые различия.

Очень важной, с нашей точки зрения, является авторское видение «группового портрета» миллениала. Во-первых, оно воспроизводит те основные характеристики цифрового человека, которые были обозначены ещё 50 лет назад в работах Э. Тоффлера и его коллег в Европе и США. Во-вторых, его «видовые» черты дополнены теми базовыми параметрами молодёжного бытия в первой четверти XXI в., которые все мы сегодня наблюдаем в окружающей реальности. Это:

- поглощённость гаджетами,
- ощущение большей свободы и большей гибкости, нежели у старших поколений,
- толерантность как способ мышления и готовность к разнообразию, а также изменениям внутри себя и вовне,
- бремя выбора как экзистенциальная проблема, становящаяся главной,
- потеря общезначимых ориентиров,
- подверженность сомнениям и сложности с формированием высокой самооценки,
- постепенный, но осмысленный уход от доминанты материальных ценностей и готовность платить значительную цену, прежде всего, за новые впечатления и опыт, причём не профессиональный, а житейский,
- повышенная досуговая активность,
- конец трудоголизма,
- всё большая неспособность и неготовность концентрироваться,
- бесконечное откладывание наиболее важных дел,
- отстаивание неотъемлемого права на личный суверенитет,
- поверхностная коммуникация,
- ориентация на здоровый образ жизни.

Особый интерес для читателей, подобно автору книги являющихся вузовскими преподавателями, представляет заключительное эссе, повествующее об особенностях российских миллениалов как студентов и одновременно – о восприятии последних преподавателями с длительным опытом работы, в том числе и в сравнении с предшествующими поколениями студентов. Фактически эта глава приглашает университетское сообщество к диалогу и обмену опытом. В.В. Радаев перечислил следующие, брошенные студентами-миллениалами университетам, вызовы:

- отказ от чтения сложных текстов как маркер принятия доминанты визуальной, но не смысловой культуры,
- стремление к поиску информации, а отнюдь не к накоплению знаний,
- нацеленность на прикладные умения,
- усиливающаяся, особенно в сравнении с предшествующими поколениями студентов, неспособность к длительной концентрации внимания,
- всё большая активность, в том числе и сетевая, в отстаивании своих прав.

И если со сформулированными вызовами, исходящими от миллениалов, трудно не согласиться, то предлагаемые профессором В.В. Радаевым возможные ответы на них подчас выглядят либо спорно (апология «digital detox» по отношению к университетскому обучению в информационную эпоху), либо вполне традиционно (призыв демонстрировать в студенческой аудитории результаты собственных исследований и в умеренных пределах развлекать студентов на занятиях, а также переводить учебные курсы из аудитории в режим онлайн, а значит и использовать электронные ресурсы в образовательных технологиях).

Заинтересованный читатель монографии, безусловно, отметит, что раскрытие проблематики российских миллениалов захватило автора как стилистически (речь в данном случае идёт о жанре «эссе», столь часто используемом сегодня именно молодёжью, в том числе и в процессах разного уровня обучения), так и эмоционально. С удивлением можно встретить на страницах научной монографии такие, например, глаголы как «заглубиться»¹, трудно совмещаемые с общепринятым литературно-академическим стилем изложения материалов исследования.

¹ Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество, ИД ВШЭ, Москва, 2019. С. 162.

По мнению В.В. Радаева, многие – если не большинство – происходящих с российскими миллениалами и вокруг них изменений отнюдь не уникальны и воспроизводятся практически по всему миру. Исходя из этого, вывод, к которому приходит автор в заключении книги, звучит достаточно ожидаемо: «Времена изменились, – в этой банальной сентенции заключена, по сути, главная идея данной работы»¹. Это вовсе не означает, что исследователь написал неглубокую книгу. Напротив, в ней наличествуют как оценки, так и рекомендации. И хотя многое в них представляется спорным, монография безусловно дарит вдумчивому читателю обильный материал для полемичных размышлений о специфике и роли в современной России поколения миллениалов, а также об их социокультурных перспективах во всеобъемлющей информационной реальности.

Список литературы

Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. ИД ВШЭ, Москва, 2019.

References

Bolton R.N., Parasuraman A., Hoefnagels A. et al. Understanding Generation Y and their use of social media: A review and research agenda. *Journal of Service Management*, vol. 24, №3, 2013. P. 245-267.

Dimock M. Defining generations: Where Millennials end and post-Millennials begin. Pew Research Center, Washington, DC, USA, 2018.

Radaev V.V. Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo. ID VSHE, Moskva, 2019.

Millennials: Russian and European Versions

Author. Elena Vodopyanova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Senior Research Associate, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** veritas-41@yandex.ru.

Abstract. The author of article writes about Millennials – the first digital generation in modern Russia, taking as a material for own reflections a recent interdisciplinary study by sociologist and Professor of the Higher school of Economics V.V. Radaev. In solidarity with the author of the book, this article also focused on those socio-cultural and time parameters that first of all caused and now have already formed the fundamental differences in the way of life of Millennials of our country from previous generations: it is primarily about the information/post-industrial paradigm that dominates in modern society, new educational technologies, as well as tolerance and choice as the basic coordinates of growing up at the beginning of the third Millennium. Reflections on the specifics of Russian «new adults» are inseparable from the controversy with the researcher on issues related to the ratio of classical and electronic education, as well as the degree of difference between the Russian youth of the first quarter of the XXI century from their Western peers. In a comparative aspect the article also analyzes the differences in value orientations and behavioral strategies inherent in Russian and European Millennials.

Key words: millennials, Russia, Europe, information society, digital everyday life of the third Millennium, the problem of choice, contradictions of educational technologies.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12020129133>

¹ Ibid. P. 213.